

МОСКОВСКИЙ МИТРОПОЛИТЪ МАКАРІЙ БУЛГАКОВЪ.

(Къ 25-лѣтію со дня кончины его † 9 іюня 1882 г.).

9 іюня текущаго года исполнится двадцать пять лѣтъ со дня смерти московскаго митрополита Макарія Булгакова. Почившій архипастырь былъ безспорно однимъ изъ выдающихся іерарховъ русской церкви XIX в. Предстоящій печальный юбилей даетъ намъ поводъ оживить въ сознаниі русскаго образованнаго общества нѣкоторыя черты въ характерѣ, жизни и дѣятельности замѣчательнаго іерарха.

Митрополитъ Макарій Булгаковъ былъ мужъ рѣдкаго, по своей самобытности, твердости и устойчивости, характера. Все, что онъ сдѣлалъ и чего онъ достигъ въ своей жизни, было результатомъ его собственныхъ трудовъ, плодомъ исключительно его собственнаго разума и воли. Сынъ бывшаго сельскаго священника, оставшійся въ раннемъ возрастѣ сиротою, проведеншій дѣтство и юность въ крайней нуждѣ, онъ проложилъ себѣ дорогу для своей широкой и плодотворной дѣятельности только силами своего разума и своей воли. Никакой матеріальной поддержки и никакого покровительства въ это время своей жизни, какъ и послѣ того, онъ не имѣлъ.

Съ раннихъ лѣтъ въ немъ обнаружилась и затѣмъ постепенно развивалась и укрѣплялась въ немъ еще одна замѣчательная и рѣдко встрѣчающаяся среди нашихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей черта—любовь къ труду и поразительная аккуратность въ жизни и въ дѣятельности. Этой особенностямъ характера митрополита Макарія церковь и наука наша обязаны замѣчательными богословскими и особенно церковно-историческими трудами его. Митрополитъ Макарій

Булгаковъ былъ рѣдкимъ не только среди современныхъ іерарховъ, но даже и вообще среди русскихъ дѣятелей трудолюбцемъ. Непрерывный и самостоятельный трудъ былъ основною стихіею жизни и дѣятельности Макарія отъ дней ранней его юности и до послѣдняго момента его жизни. И эта черта въ его характерѣ не была чѣмъ либо случайнымъ, или условнымъ; наоборотъ, онъ былъ сознательнымъ и убѣжденнымъ трудолюбцемъ. Свой взглядъ на трудъ человѣка Макарій высказалъ въ своей рѣчи, произнесенной имъ за нѣсколько дней до своей смерти, 20 мая 1882 года, при открытіи всероссійской промышленно-художественной выставки въ Москвѣ. Положивъ въ основу своей рѣчи библейскія слова: „человѣкъ раждается на трудъ“, онъ сказалъ далѣе слѣдующія безсмертныя слова: „трудомъ человѣкъ развиваетъ, укрѣпляетъ, усовершенствуетъ свои силы и способности, духовныя и тѣлесныя; трудомъ пріобрѣтаетъ себѣ все, необходимое для жизни и для удовлетворенія своихъ потребностей; трудомъ достигаетъ и того, что можетъ возвышать, украшать, облагораживать его бытъ, домашній и общественный. Потому то и дорогъ человѣку его трудъ, и иногда тѣмъ дороже, чѣмъ болѣе требуетъ напряженія силъ и преодоленія препятствій. И радуется человѣкъ, видя плоды трудовъ своихъ, благословенныхъ Богомъ; торжествуетъ человѣкъ, со своими близкими и знаемыми, въ сознаніи своихъ успѣховъ, добытыхъ честнымъ трудомъ, при помощи Божіей“.

Макарій Булгаковъ былъ питомцемъ нашей старой до-реформенной духовной школы. Въ этой школѣ получили блестящее развитіе богатыя природныя дарованія Макарія, укрѣпленныя его собственнымъ трудолюбіемъ. Это была школа, созданная въ началѣ XIX в., при участіи такихъ выдающихся дѣятелей того времени, какъ гр. М. М. Сперанскій и др. Школа эта была устроена знаменитою комиссіею духовныхъ училищъ, въ дѣятельности которой принимали участіе лучшіе представители церкви и духовнаго просвѣщенія первой половины XIX в. Школа эта, когда учился въ ней Макарій Булгаковъ съ своими товарищами, не была еще испорчена преобразованіями, какія были произведены въ ней вскорѣ потомъ, по инициативѣ извѣстнаго оберъ-прокурора Св. Синода гр. Протасова. То была школа идейная, возбуждавшая въ своихъ питомцахъ духъ самосознанія, философ-

скаго, серьезнаго отношенія ко всему окружающему, располагавшая ихъ къ критическому свободному обсужденію всякихъ запросовъ духа и жизни. Для того, чтобы воочию убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ прочитать сохранившіеся опыты семинарскихъ и академическихъ сочиненій Макарія Булгакова. Отъ нихъ вѣетъ духъ какого то особеннаго благородства, чистоты, возвышенности и свободы мысли и чувства писавшаго.

Макарій Булгаковъ хорошо впиталъ въ себя этотъ своеобразный духъ школы и сохранилъ его въ себѣ до гробовой доски. Онъ любилъ свою школу и готовъ былъ всѣмъ жертвовать для ея блага и совершенствованія. Уже будучи архіепископомъ и принимая участіе въ работахъ по реформѣ духовной школы (въ 1860-хъ годахъ), Макарій Булгаковъ смѣло и твердо отстаивалъ необходимость предоставленія нашей духовной школѣ свободнаго и правильнаго развитія, въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ и требованіями того времени. Его сужденія о желательномъ преобразованіи низшей и средней духовной школы вызывали удивленіе въ Петербургѣ именно свободнымъ отношеніемъ архипастыря къ нѣкоторымъ жгучимъ вопросамъ реформы. Академическій уставъ 1869 года, принесшій столько блага нашей церкви и особенно духовной наукѣ, не смотря на весьма кратковременное свое существованіе, явился въ окончательномъ своемъ видѣ на свѣтъ, благодаря энергичной защитѣ принциповъ его именно Макаріемъ Булгаковымъ. Стоитъ вчитаться въ подлинныя отчеты Макарія Булгакова о ревизіи всѣхъ нашихъ четырехъ духовныхъ академій (въ 1874—1875 г.г.), для того, чтобы видѣть, какъ глубоко любилъ и какъ высоко ставилъ онъ нашу высшую духовную школу, какое важное значеніе предавалъ онъ ей въ исторіи русской православной церкви.

Макарій Булгаковъ наибольшую извѣстность въ образованномъ мірѣ приобрѣлъ своими учеными трудами. Ученно-литературная дѣятельность его продолжалась почти безъ перерыва 40 лѣтъ. Въ началѣ и въ концѣ этой замѣчательной, а въ исторіи нашей церкви и безпримѣрной, дѣятельности видимъ его церковно-историческіе труды и только сравнительно небольшой промежутокъ времени въ этомъ періодѣ его жизни былъ наполненъ занятіями его въ обла-

сти чистаго богословія. Богословскіе труды Макарія Булгакова были, если можно такъ выразиться, случайнымъ, временнымъ явленіемъ въ его многолѣтней учено-литературной дѣятельности. Истиннымъ призваніемъ его, какъ ученаго человѣка, были занятія по исторіи русской церкви.

Въ этой послѣдней области богословской науки Макаріѣ Булгаковъ своими трудами создалъ, несомнѣнно, особую эпоху. Онъ не былъ историкомъ-философомъ, по самому складу и характеру своего ума. Не былъ онъ и историкомъ-критикомъ, частію по тому же самому, частію же по условіямъ своего времени. Макаріѣ Булгаковъ былъ по преимуществу историкомъ-повѣствователемъ. Несомнѣнная заслуга Макарія Булгакова заключалась въ томъ, что онъ изучилъ наличный матеріалъ, собралъ массу новыхъ данныхъ и все это расположилъ по хорошо обдуманному, цѣлесообразному и оригинальному плану, съ рѣдкимъ изяществомъ внѣшняго изложенія. Церковно-историческія сочиненія Макарія Булгакова суть труды истинно и строго научные, но вмѣстѣ съ тѣмъ они являются общедоступными, легкими и даже приятными для чтенія книгами, въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова популярными.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Макарія Булгакова можно сравнить съ нашимъ свѣтскимъ исторіографомъ Сергѣемъ Михайловичемъ Соловьевымъ. Намъ кажется, что Макаріѣ Булгаковъ, характеризуя историческіе труды С. М. Соловьева въ своей надгробной рѣчи, сказанной при отиѣваніи этого послѣдняго 7 октября 1879 года, выражалъ въ то же время и свои завѣтныя думы о своихъ собственныхъ церковно-историческихъ трудахъ, рисовалъ свои собственные идеалы въ этомъ отношеніи. „О чемъ говорятъ они“, т. е. историческіе труды С. М. Соловьева, „намъ“? спрашивалъ Макаріѣ Булгаковъ. И отвѣчалъ себѣ и слушателямъ своимъ на этотъ вопросъ такъ: „говорятъ они, прежде всего, о его необыкновенномъ талантѣ, о необыкновенныхъ способностяхъ души, которыми надѣлилъ его Богъ, и которыя почившіи самъ развилъ, укрѣпилъ, усовершенствовалъ до послѣдней степени собственными усиліями. Говорятъ о его необыкновенномъ трудолюбіи, безъ котораго не возможно было бы воздвигнуть такого колоссальнаго учено-литературнаго памятника: вся жизнь почившаго была непрерывнымъ, не-

устаннымъ, подвижническимъ трудомъ, и не проходило года, когда бы онъ не дарилъ насъ то однимъ, то даже нѣсколькими своими произведеніями. Говорятъ о его необыкновенной любви къ наукѣ и вмѣстѣ къ родинѣ; только пламенная ничѣмъ неугасимая любовь къ наукѣ, которую онъ избралъ своею спеціальностію, могла воодушевлять его въ его напряженномъ изумительномъ трудѣ, продолжавшемся цѣлые десятки лѣтъ; только святая любовь къ отечеству могла возгрѣвать и поддерживать въ немъ то мужество, терпѣніе, самоотверженіе, съ какими проводилъ онъ дни и ночи надъ древними хартіями, чтобы подробно изучить минувшую судьбу родного края, достойно изобразить ее для своихъ соотечественниковъ и тѣмъ способствовать къ болѣе полному и всестороннему раскрытію самосознанія въ русскомъ народѣ“...

Эти слова Макарія Булгакова какъ нельзя лучше характеризуютъ и его собственное отношеніе къ занятіямъ церковно-историческими изслѣдованіями и его собственныя заслуги въ этой области научнаго знанія.

Макарій Булгаковъ былъ іерархъ широкаго кругозора, свѣтлыхъ взглядовъ и рѣдкой терпимости къ мнѣніямъ и убѣжденіямъ другихъ, въ томъ числѣ и своихъ противниковъ, которыхъ у него было немало. Въ 70-хъ годахъ XIX в. ему пришлось, въ качествѣ члена Св. синода, принимать дѣятельное участіе въ нашемъ высшемъ церковномъ управленіи и вообще въ обсужденіи и рѣшеніи различныхъ церковно-общественныхъ вопросовъ, которые поднимались въ то время. Самъ Макарій Булгаковъ, сколько это отъ него зависѣло, шелъ на встрѣчу лучшимъ запросамъ и требованіямъ современнаго общества. Онъ былъ, повидимому, горячимъ сторонникомъ необходимыхъ преобразованій церковной жизни. На церковныя реформы онъ смотрѣлъ, какъ на одно изъ средствъ для устраненія сознанныхъ недостатковъ и для обновленія устарѣвшихъ формъ въ строѣ церковной жизни, притомъ, по возможности, въ полномъ соотвѣтствіи съ нуждами и запросами государственной и соціальной жизни. На этой именно точкѣ зрѣнія онъ стоялъ, повидимому, въ качествѣ предсѣдателя церковно-судебной, духовно-цензурной и др. комиссій, дѣйствовавшихъ въ 70-хъ годахъ XIX в.. Въ частности, онъ былъ горячимъ сторонникомъ предостав-

ленія правъ автокефаліи болгарской церкви, расширенія правъ русскихъ старообрядцевъ и т. п. Вообще, выражаясь современнымъ языкомъ, Макарій Булгаковъ былъ однимъ изъ наиболѣе прогрессивныхъ нашихъ іерарховъ 60-хъ и 70-хъ годовъ XIX в.

Лучшимъ примѣромъ глубокой толерантности Макарія Булгакова къ мнѣніямъ и убѣжденіямъ другихъ, притомъ даже противниковъ его, могутъ служить отношенія его къ нашему русскому церковному историку академику Е. Е. Голубинскому. Не смотря на то, что академикъ Голубинскій былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и подѣ-часъ рѣзкихъ критиковъ первыхъ томовъ „исторіи русской церкви“ Макарія Булгакова, этотъ послѣдній не только не отнесся отрицательно къ труду Голубинскаго, какъ то обнаружили весьма многіе, но, наоборотъ, привѣтствовали появленіе перваго тома его „исторіи русской церкви“ въ печати и даже содѣйствовали этому. Извѣстно, что начало втораго тома своей „исторіи русской церкви“ академикъ Голубинскій посвятилъ не кому иному, какъ Макарію Булгакову...

Другой примѣръ. Въ 1870-хъ Макарій Булгаковъ предсѣдательствовалъ въ комитетѣ по преобразованію церковнаго суда. Однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ этого комитета былъ извѣстный профессоръ Московской духовной Академіи А. Θ. Лавровъ. Этотъ послѣдній былъ, безъ сомнѣнія, противникомъ Макарія Булгакова въ рѣшеніи важнаго вопроса о реформѣ церковнаго суда. Въ самомъ концѣ занятій комитета профессоръ Лавровъ выступилъ даже съ открытою критикою предполагавшейся реформы церковнаго суда въ извѣстныхъ брошюрахъ, изданныхъ Н. Елагинымъ подъ заглавіемъ „Предполагаемая реформа церковнаго суда“. Критика профессора А. Θ. Лаврова сама по себѣ обладаетъ высокими достоинствами и, безъ всякаго сомнѣнія, она способствовала выясненію важнаго вопроса. Но выступленіе профессора А. Θ. Лаврова съ нею, по имѣющимъ у насъ даннымъ, было актомъ не вполнѣ корректнымъ въ отношеніи къ предсѣдателю комитета. При другихъ условіяхъ, въ особенности при другихъ качествахъ характера Макарія Булгакова, между нимъ и А. Θ. Лавровымъ могли бы установиться самыя недружелюбныя отношенія, какъ это очень часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Но Макарій Булгаковъ отличался въ

этомъ отношеніи рѣдкимъ благородствомъ души. Впослѣдствіи Макарій Булгаковъ и А. Ѡ. Лавровъ (потомъ, послѣ принятія монашества, Алексій, скончавшійся въ званіи архіепископа Литовскаго) встрѣчались дважды, но Макарій Булгаковъ ни однимъ словомъ и дѣйствіемъ не выразилъ даже и тѣни неудовольствія на своего бывшаго противника, причинившаго ему, безъ сомнѣнія, немало горькихъ непріятностей. Сначала, вскорѣ послѣ окончанія занятій комитета по преобразованію церковнаго суда, Макарій Булгаковъ былъ ревизоромъ Московской духовной Академіи. Въ своемъ отчетѣ о ревизіи Московской духовной Академіи Макарій Булгаковъ характеризовалъ А. Ѡ. Лаврова, какъ профессора „весьма трудолюбиваго, обладавшаго обширными познаніями въ области каноники“.

Еще черезъ нѣсколько лѣтъ Макарій Булгаковъ и Алексій Лавровъ снова встрѣтились въ Москвѣ—первый въ санѣ Митрополита, а второй въ званіи его викарія. Намъ приходилось слышать, что отношенія архипастырей и на этотъ разъ, благодаря взаимнымъ усиліямъ, отличались рѣдкою корректностію. Что касается, въ частности, самаго Макарія Булгакова, то онъ въ 1) ничѣмъ не выразилъ своего желанія отдѣлаться такъ или иначе отъ своего викарія-Алексія Лаврова, что мы видимъ такъ часто въ подобныхъ случаяхъ, и во 2) наоборотъ, онъ всегда выражалъ удовольствіе свое по поводу того, что онъ можетъ пользоваться помощію такихъ викаріевъ, какіе были у него въ Москвѣ, не смотря даже на то, что несочувствіе одного изъ нихъ къ нему (не Алексія Лаврова) было хорошо извѣстно Макарію Булгакову.

Современники Макарія Булгакова въ своихъ отношеніяхъ къ нему рѣзко раздѣлялись на два противоположные лагеря. Одни изъ нихъ уважали и хвалили его, другіе, наоборотъ, относились къ нему съ крайнею враждою и еще при жизни осуждали и всячески порицали его. Въ этомъ должно видѣть вѣрный признакъ того, что Макарій Булгаковъ былъ далеко незауряднымъ церковно-общественнымъ дѣятелемъ. Его широкіе взгляды на вещи, его выдающіеся труды на учено-литературномъ поприщѣ и, наконецъ, его популярность въ свѣтскомъ обществѣ создали ему массу враговъ, которые преслѣдовали его, можно сказать, на всѣхъ мѣстахъ его служенія, начиная съ Петербурга и кончая Москвою.

Назначеніе его въ Тамбовъ было, по выраженію самого Макарія Булгакова, почетнымъ удаленіемъ его въ ссылку. Неясный слухъ о большихъ денежныхъ суммахъ, какими обладалъ Макарій Булгаковъ и какія онъ собралъ посредствомъ тщательныхъ сбереженій изъ доходовъ отъ продажи своихъ сочиненій, что онъ дѣлалъ въ силу спеціальнаго обѣта, даннаго еще въ самомъ началѣ своей учено-литературной дѣятельности, далъ поводъ харьковскимъ завистникамъ и врагамъ его сочинить цѣлую басню - инсинуацію объ участіи Макарія Булгакова въ поддѣльваніи и распространеніи фальшивыхъ ассигнацій среди подчиненнаго духовенства (подлинное происшествіе, о которомъ рассказываетъ самъ Макарій Булгаковъ въ письмахъ къ своему брату!). Но съ особенною силою злоба человѣческая въ отношеніи къ Булгакову сказалась тогда, когда онъ сдѣлался московскимъ митрополитомъ. Годы московскаго служенія Макарія Булгакова были временемъ непрерывнаго преслѣдованія его врагами, не стѣснявшимися въ средствахъ для того, чтобы свести свои личные счеты съ знаменитымъ архипастыремъ. Одна тогочасовенная московская газета сдѣлала это преслѣдованіе Макарія Булгакова даже своею спеціальностію. Каждый шагъ, всякое дѣйствіе и распоряженіе, даже всякое, самое продуманное и обыкновенное, слово его обязательно истолковывалось въ дурную сторону. Такъ, упоминаніе Макаріемъ Булгаковымъ въ привѣтственной рѣчи его императору Александру II (20 ноября 1879 г.) о „только что совершившемся спасеніи“ Государя дало поводъ недоброжелателямъ митрополита къ распространенію самыхъ возмутительныхъ подозрѣній на счетъ его политическихъ убѣжденій. Самая смерть не избавила Макарія Булгакова отъ непримиримой человѣческой злобы, которая въ исключительныхъ, хотя, въ виду состоянія его здоровья тѣлесной организаціи, вполне естественныхъ обстоятельствахъ смерти архипастыря нашла только новую пищу для распространенія новыхъ инсинуацій на его счетъ. Вообще крестомъ сиротства и лишеній, съ нимъ связанныхъ, началась сознательная жизнь Макарія Булгакова; и крестомъ гоненія и преслѣдованія отъ завистниковъ и враговъ она и закончилась.

Нельзя сказать, чтобы и современное намъ образованное общество правильно поняло выдающуюся личность Макарія

Булгакова и по достоинству оцѣнило его исключительныя заслуги предъ церковью, наукою и русскимъ государствомъ. И теперь еще можно слышать и читать отголоски давнихъ сказокъ-инсинуацій на счетъ личности, жизни и дѣятельности Макарія Булгакова, созданныхъ въ свое время врагами и завистниками архипастыря. Такова уже, видно, судьба всѣхъ нашихъ великихъ и выдающихся дѣятелей, къ которымъ наше общество относится съ поразительнымъ, неслыханнымъ въ другихъ культурныхъ странахъ, равнодушіемъ, чтобы не сказать болѣе. Не такъ оцѣниваютъ личность Макарія Булгакова и его заслуги для нашей церкви иностранные ученые, знакомые съ его научными трудами. Невольно здѣсь припоминается намъ отзывъ львовскаго историка доктора Кубал'я о преосв. Макаріи Булгаковѣ. „Я“, говорилъ онъ намъ, „положительно завидую русской православной церкви, которая имѣетъ у себя такого замѣчательнаго историка, какъ Макарій Булгаковъ, и искренно сожалѣю, что наша (т. е. польская католическая) церковь доселѣ не имѣла и не имѣетъ такого правдиваго, безпристрастнаго, благороднаго и изящнаго изобразителя ея исторіи, каковъ вашъ Макарій Булгаковъ. Да, ваша церковь, по справедливости, можетъ гордиться такимъ архипастыремъ и историкомъ“... Да будетъ же вѣчная память и блаженный покой почившему архипастырю, нашему знаменитому церковному историкъ. Дай Богъ, чтобы наше образованное общество хотя теперь вполнѣ поняло его и справедливо оцѣнило его заслуги для русской церкви, для науки и для всего нашего отечества.

Пр. Ѡ. Титовъ.
